

A movie poster for 'Albina Nuri'. The background is a dark, misty forest. In the center, a large, weathered wooden barn with a gabled roof stands on a dark, muddy ground. A single window in the gable is lit from within, casting a warm yellow glow. The barn is framed by a large, pale, ghostly face with wide, staring eyes that have bright red, glowing pupils. The overall color palette is dark and moody, with shades of blue, grey, and brown, punctuated by the red of the eyes and the yellow of the window light.

АЛЬБИНА НУРИ

ГИБЛЫЕ ЗЕМЛИ

Альбина Нури

Гиблые земли

Серия «Голоса тьмы»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68948862
Альбина Нури. Гиблые земли:

Аннотация

Катя – обычная школьница, живущая с мамой в деревеньке на краю леса, недалеко от живописного озера, на противоположном берегу которого строится элитный коттеджный поселок.

Неожиданно на летние каникулы приезжает двоюродный брат-подросток, которого Катя толком и не знает, и с его приездом начинается невероятная череда событий, захвативших не только семью, но и всю деревню.

Жуткие неведомые существа начали наведываться к людям и убивать их. С чем это связано? С секретным советским объектом и рабочим поселком, которые были построены среди леса и оказались заброшены тридцать лет назад? Или с шаманскими ритуалами, что проводились в древности в этих местах? Важно не только выяснить причину происходящего, но и как можно скорее закрыть тропу из потустороннего мира в наш.

Содержание

Пролог	4
Часть первая. До того, как	11
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Альбина Нури

Гиблые земли

Пролог

Он не позволял себе думать, что давно заблудился. Это была вредоносная, ядовитая мысль, которая могла парализовать, лишит возможности двигаться и соображать.

А двигаться надо. Нельзя стоять на месте, кто-то умный сказал, что движение – это жизнь.

«Но что, если ты всего лишь бестолково кружишь по лесу, всякий раз возвращаясь на то место, где был парой часов раньше?»

Он постарался отогнать и это опасное предположение. Невозможно, так ведь? Он всегда шел по прямой, двигаясь на запад, в сторону деревни. Значит, рано или поздно лес должен закончиться.

«Будь Липница в той стороне, это давно случилось бы», – заметил скептик в его голове.

Хватит. Хватит!

Да, поначалу он запаниковал. А кто на его месте не впал бы в панику, увидев *такое*? После того, что предстало его взору в заброшенном поселке, немудрено, что он бросился прочь оттуда, не разбирая дороги, повернул не в ту сторону.

Но ведь потом постарался успокоиться, пошел, следуя нужному направлению.

«Ты уверен, что верно сориентировался, что это было действительно нужное направление?»

Недавно прошел сильный дождь, и ноги вязли в земле, в куче мокрых грязных листьев и шишек, слипшихся в кашу. С веток то и дело срывались хрустальные капли, брызги падали на лицо, а иной раз, когда заросли были особенно густыми, за шиворот проливались широкие потоки холодной дождевой воды.

Идти было тяжело, с каждым шагом все тяжелее. Тело ныло и болело, он устал и постоянно царапался о какие-то шипастые кусты, спотыкался о корни растений, трухлявые пни и почерневшие стволы упавших деревьев – что-то словно пыталось удержать его, сбить с ног, тянуло к нему руки со всех сторон и из-под земли. Поначалу он злился и чертыхался, колотил по ветвям, преграждавшим ему путь, топтал хилые поганки, но потом настолько вымотался, что перестал реагировать, просто старался не упасть.

«Лес вот-вот кончится, – твердил он, как молитву, – я выберусь, ясное дело! Я не мог уйти далеко».

Но лес стоял темной стеной. Не было никаких примет, знаков, указывающих на то, что он скоро кончится. Всюду виднелось лишь бесконечное однообразие набухших от сырости кустов и деревьев.

Он шел, опустив голову, распихивая ладонями и локтями

жесткие колючие ветки деревьев, хлеставшие, ранящие его. Ветви трещали под ногами, и звук напоминал хруст костей. Это пугало, заставляло съеживаться, особенно если прибавить сюда все чаще появляющееся ощущение чужого присутствия. Разум говорил, что в чаще нет никого, кроме него, но чувства нашептывали, что это ложь.

Чьи-то глаза наблюдали за ним, чьи-то голоса шептали в кронах, чья-то злая воля не давала выбраться отсюда, уводя все глубже в лес, все дальше от человеческого жилья...

Иногда казалось, что впереди показался просвет, что лес расступился и явил ему открытое пространство. Поверив, он устремлялся вперед, ломился сквозь ветки, как лось. Но вскоре понимал, что заросли не становятся реже. Иллюзия. Обман.

Наручные часы показывали пять часов вечера. Сотовый телефон он выронил где-то, потерял, когда фотографировал дома в поселке. До того, как увидел, *что* они скрывают.

«Кто сумеет помочь? Кто спасет?»

Что за жалкий вопрос! Сформулировав его, он почувствовал себя слабым и ничтожным. Внезапно накотивший страх был таким сильным, что он не мог сдвинуться с места. Стоял и ждал, что из леса выскочит нечто жуткое, накинется на него и разорвет. И это будет...

Нет-нет, не нужно думать об этом. Перебороть себя и идти дальше, прочь из чащи – только так можно выжить. Он стиснул зубы и ринулся вперед, преодолевая судороги в из-

мученных мышцах. Убегая из поселка, он подвернул ногу, и теперь ее постоянно грызла боль, но он послал боль к черту. Нельзя сдаваться!

Горло горело, хотелось пить, но пластиковая бутылка с водой давно опустела. Он взял с собой лишь одну бутылку, а из еды – пару яблок, шоколадку и бутерброды. Припасов катастрофически мало, но ведь он рассчитывал вернуться обратно уже к вечеру.

Есть пока не хотелось, но вот жажда усиливалась с каждым шагом. Что за ирония! Это лес буквально сочился влагой, но не пить же из лужи!

Однако через два часа он опустился на четвереньки и принялся лакать мутную воду, которая собралась в маленькой ямке. После того, как понял, что невозможно утолить жажду, слизывая капли с листьев.

На зубах скрипели песчинки, вода отдавала гнилью, но все равно ему стало легче. Стараясь не думать, сколько микробов было в каждом глотке, он встал на ноги и побрел дальше.

Скоро стемнеет, наверное. В этом лесу и днем-то было темно, плотный полог листвы почти не пропускал солнечный свет, а уж ночью...

«Интересно, водятся ли здесь дикие звери? Кабаны, медведи, рыси?»

Он понятия не имел. Скажи ему кто-то еще вчера, что он будет бояться хищников, живущих в этом лесу, он бы расхохотался ему в лицо.

Это же не глухая сибирская тайга! От Быстрорецка – немногим больше часа езды на машине до Липницы, а от этой деревни – рукой подать до заброшенного поселка. Как он умудрился заплутать, непонятно. Но еще непонятнее, почему здешние места такие дикие, нехоженые...

Если он сядет под одним из этих деревьев, закрывающих небо, и больше не двинется с места, найдут ли когда-нибудь его тело? Он ясно представил, как сквозь него прорастают кусты, крапива, ползучие травы, как его кости обглаживают животные, как насекомые кишат в его плоти, как догнивают кроссовки, одежда и рюкзак – и вот уже ничего от него не осталось, только желто-бурый череп, скалящийся безумной улыбкой.

И те создания, что брели за ним, выглядывали из-за стволов, нашептывали, хихикали, заманивали в чащу, выйдут из укрытий и спляшут от радости на его останках.

«Уймись! Нет тут никого! И ты не умрешь, поживешь еще!»

Поднявшись, поковылял дальше. Казалось, он идет по тоннелю, лишь кое-где высоко-высоко проглядывали кривые ломти потемневшего от дождя неба. Неба, которое совсем скоро, точно ватное одеяло, впитает в себя жалкие крупички солнечного света.

Неужели придется ночевать тут – улечься на мокрые листья и хвою, свернуться калачиком, чувствуя, как стылая земля вытягивает, выпивает из его измочаленного тела

остатки тепла?

Может, стоит подумать о том, чтобы развести костер? Плестись по лесу ночью означает заблудиться, это же ясно.

«Ты уже заблудился!»

«Хорошо, – нервно ответил он сам себе, – это означает заблудиться окончательно, безо всякой надежды выбраться».

Итак, он разожжет костер, обогреется, поест, отдохнет, поспит, а утром двинется дальше. Перед этим влезет на дерево, посмотрит, в какую сторону идти. Впрочем, и лезть не придется, достаточно выяснить, с какой стороны взойдет солнце, и направиться в противоположную, ведь ему же надо на запад, он точно это знал.

Ему удалось немного приободриться: всегда полезно планировать, это дает ощущение того, что ты владеешь ситуацией (даже если это и не так).

Но планы полетели в тартарары, потому что лес внезапно оборвался, словно бы дав ему пинок под зад и выбросив на поляну – широкую поляну, заросшую высокой травой, доходившей ему почти до колен.

На поляне стояли три дома, и при взгляде на них ему остро захотелось развернуться и броситься обратно в чащу неприятного леса. Но ноги не шли, он стоял и смотрел на дома, на провалы окон, на покосившиеся стены и криво висящие двери.

«Что-то привело меня сюда, – вяло, сонно, словно бы теряя сознание, подумал он. – Что-то, у чего есть на меня пла-

ны».

Он смотрел на лесные дома.

А дома смотрели на него.

И он точно знал, что ничем хорошим это не кончится.

Часть первая. До того, как

Глава первая

– Привет, кузина Кэт, – произнес он с небрежной, ленивой улыбочкой, и Катя сразу поняла: все лето насмарку, не ужиться им с этим пижоном.

– Еще раз назовешь меня так, в лоб получишь, – тихо, чтобы мама не слышала, проговорила Катя.

Роман ухмыльнулся и ничего не ответил.

Кате пятнадцать, Роману скоро семнадцать исполнится, хотя на вид не старше Кати: высокий, но щуплый, худой.

Мама, узнав о приезде племянника, тоже, кажется, не сильно обрадовалась, но виду не подала и Кате сказала:

– Роман – твой брат, постарайся с ним поладить. – Подумала, чем подкрепить свои слова, и выдала: – Вы в детстве любили играть вместе.

Ага, как же, подумалось Кате, любили! И когда только успели полюбить?

Двоюродные брат и сестра виделись всего несколько раз в жизни, и было это давным-давно. Их матери были сестрами, родились и росли в Липнице, а после школы жизнь, как говорится, развела. Старшая, мать Романа, рано вышла замуж

и уехала в Быстрорецк, а младшая, Зинаида, мама Кати, застряла тут, в деревне. После смерти родителей так и осталась в их доме.

Катя помнила, как они с мамой, приезжая в Быстрорецк, несколько раз встречались с тетей Зоей, дядей Сережей и Ромой, но все как-то на бегу, между делом. Дядя Сережа занимался бизнесом, семья перебралась в Москву, несколько лет сестры не встречались, лишь созванивались изредка. Затем последовало возвращение в Быстрорецк, покупка новой шикарной квартиры и строительство загородного дома... Их жизнь кипела и расцветала яркими красками, пока Катя с мамой барахтались в вязких и тягучих, как сгущенное молоко, деревенских буднях.

А примерно четыре года назад тетя Зоя внезапно умерла. Мама ездила на похороны, Катю с собой не брала. Вернулась растерянная, с посеревшим лицом, часто плакала, с дочерью ничего не обсуждала (Катя так толком и не поняла, что стряслось с теткой). Дядя Сережа скорбел недолго, вскоре снова женился и опять стал отцом: у него родился еще один мальчик. С сестрой и племянницей жены Сергей и прежде виделся нечасто, а после смерти Зои общение и вообще сошло на нет.

Пока в последних числах мая не раздался звонок.

– Рома к нам приедет десятого июня, – проговорила мама с таким видом, точно сама не верила своим словам. – Поживет до сентября.

– Как так – поживет? Прямо тут, в нашем доме? Все лето? – опешила Катя.

– Да, – односложно ответила мама сразу на все вопросы. Помолчала немного и прибавила: – У него со школой какие-то проблемы, он их решит и приедет. Сережа сказал, они с женой и младшим скоро в Прагу едут. А Романа к нам. Деньги, говорит, на него присылать будет. Автобусом отправит, а в конце августа приедет и заберет.

«Как посылку, – фыркнула про себя Катя, – отправит, заберет».

– А где он спать будет? – спросила она уже вслух.

Дом у них был не сказать, что крошечный, но давно приспособленный к ним двоим: большая комната, традиционно именуемая «залой», была в самом деле большая по размеру, и Катя в основном проводила время тут. Еще были кухня и две маленькие комнаты – ее и мамина (раньше в ней спали бабушка с дедушкой).

– Мы его в твоей комнате поселим. Вместе с тобой пока поспим, ничего страшного, да, Кать?

Здрасьте пожалуйста! Значит, Ромочка ее еще и из собственной комнаты выселит!

Спустя неделю незванный гость заявился: крутые шмотки, рваные пряди светлых волос, кривая ухмылочка, насмешливый тон и оценивающий взгляд. Катя остро почувствовала собственную неказистость, заурядность и...

И бедность, что уж скрывать. Мама работала медсестрой в

поликлинике, в райцентре Константиновка, Катя там же училась в школе; обе ездили туда на древнем рычащем и кашляющем автобусе. Дальше Быстрорецка они нигде не были, если не считать единственной поездки в Санкт-Петербург. Дорогие покупки, изысканная еда, отпуск за рубежом, навороченные автомобили – все это к Кате и ее маме никакого отношения не имело. Разные миры, непересекающиеся прямые.

Прежде Катя об этой разнице и не задумывалась, но тут ей вдруг стало стыдно, она почувствовала себя бедной родственницей, будто бы даже в чем-то перед двоюродным братом виноватой.

Почувствовала – и рассердилась на себя. Что за глупости? Что за готовность униженно признать превосходство другого человека над собой?!

Этот Рома вообще не имеет никакого права задаваться: она отличница, на медаль идет, а когда окончит школу, поступит в университет и тоже будет жить в Быстрорецке. Или в Москве.

А любезный братец, судя по всему, учиться не желает (недаром же проблемы у него). Видать, бездельник и хулиган. Даже родного отца настолько достал, что тот его (вместо того чтобы в Прагу взять) отослал «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов». Ну, почти.

На ужин мама пожарила котлеты, капусту квашеную из погреба подняла; Катя отварила картошку. Простая деревен-

ская еда.

«Рома-то, небось, привык ко всяким мудреным блюдам, – думала Катя, расставляя на столе тарелки. – Станет нос воротить, я ему все выскажу!»

Но высказывать не пришлось.

– Вы в котлеты чеснок добавляете, да? – спросил гость, уплетая за обе щеки, хрустя капустным листом. – Мне нравится. Мама тоже так делала.

Катина мама отложила вилку и посмотрела на племянника, будто что-то для себя решая. Она была совсем простая на вид женщина, не слишком разговорчивая, вечно занятая работой и домом. Но Катя знала, что мама – вовсе не недалекая, замотанная бытом тетенька. Она была мудрой, ее суждения отличались точностью, а характеристики – меткостью. Катя всегда доверяла ее мнению. Кроме того, у матери было нежное сердце, хотя внешне это не особенно-то проявлялось.

Насмотревшись на Рому, мама проговорила:

– Это меня Зоя научила. Говорила, так пикантнее. Хотя в чесноке какая пикантность, верно? – Она улыбнулась. – Ты не волнуйся, тут у нас неплохо. Сад, клубника скоро пойдет, вишни, яблоки. Лето быстро пролетит, не успеешь заскучать. А может, тебе еще и понравится.

Роман тоже внимательно поглядел на тетю и тоже улыбнулся. Катя в этот момент подумала, что они очень похожи: разрез глаз, форма губ, подбородки. Сама она, как говорила

мать, пошла в отца.

Пообщавшись с Романом в первый вечер, мама, видимо, решила, что племянник – парень неплохой, приняла его и стала вести себя так, словно он всегда здесь жил. Не сюсюкала, не задавала вопросов (на которые Рома не хотел бы отвечать), могла отчитать, что комнату не прибрал. Она работала посменно, постоянно брала подработку, дома бывала редко, предоставляя дочери и племяннику хозяйничать самостоятельно.

Катя и Роман так быстро сродниться друг с другом не смогли. Катя думала, что со стороны они, наверное, напоминали двух котов, оказавшихся на одной территории: приглядывались один к другому, принюхивались, то распушая хвосты, то задирая их наподобие антенн, фыркали и ходили друг возле друга кругами, не сближаясь, но и не убегая.

Собственно, бежать-то и некуда.

Роман не искал Катиного общества: сидел то в ее бывшей комнате, уткнувшись в мобильник, то в саду, облюбовав местечко под вишнями. Иногда делал что-то по дому или в огороде (по просьбе тети Зины), но за пределы их скромных владений не выходил.

Пересекались брат с сестрой в основном на кухне, и Роман всегда вел себя вежливо, но сухо и отстраненно. Судя по тому, как фамильярно он обратился к ней в первый момент, Катя думала, что братец продолжит задирать ее, насмехаться, однако он предпочитал делать вид, что Кати и вовсе не

существует, обращаясь к ней только в случае необходимости, когда без этого было не обойтись.

Постепенно Катя стала привыкать к присутствию в доме постороннего человека (не совсем постороннего, родственника, но все же). Готовила еду, делала уборку, полола огород, читала, в Интернете копалась, ходила с лучшей (и единственной) подругой Лорой на Белое озеро, что неподалеку от деревни. Потом Лора уехала в санаторий с родителями, по путевке, а других подруг у Кати не было, так что она тоже плотно осела дома. В этом они с Романом были похожи: не слишком коммуникабельные, душой компании не назовешь.

Один раз Катя, увидев брата сидящим на излюбленном месте в саду, хотела окликнуть его, позвать на озеро или просто поговорить. Ей пришло в голову, что ему, наверное, одиноко и грустно: он смотрел куда-то в угол сада, лицо у него было печальное и какое-то... хрупкое. Как будто еще немного – и он расплчется.

Катя уже открыла рот, чтобы его окликнуть, но тут Роман взял телефон, поднес к глазам и стал водить пальцем по экрану. Тогда-то Катя и заметила, что у него в ушах наушники.

Да уж, хороша она была бы, принявшись тащить его на озеро! Он бы одарил младшую сестру взглядом, от которого лужи льдом покрываются, и вежливо проговорил, что занят, ему есть, чем себя занять, спасибо, а она осталась бы стоять дура дурой.

Больше попыток сблизиться Катя не предпринимала, Ро-

ман тем более. У них выработалась негласная договоренность: пока один находится в доме, другой – в саду, и наоборот. Вместе в помещении было как-то неловко, хотя и неясно, почему: каждый же в своем углу.

Прошла неделя. Затем еще одна. В конце июня зарядили дожди. Из дому не вылезешь, мокнуть в саду никому не хотелось. Мама часто работала за себя и коллегу, которая ушла в отпуск, дома появлялась набегами.

В понедельник ближе к вечеру Катя пришла на кухню и, открыв холодильник, принялась задумчиво изучать содержимое полок. Мама придет поздно, нужно что-то приготовить на ужин. Сварить суп с фрикадельками проще всего, но его не хочется. Окорочка куриные, может, пожарить?

– Хочешь, оладьи сделаю?

Катя обернулась и увидела стоявшего в дверях Рому. На нем были черные джинсы и синяя футболка. Никакого смартфона в руках.

– А ты готовить умеешь? – недоверчиво спросила она.

Брат пожал плечами.

– Только самые любимые блюда. И не очень сложные. Селедку под шубой могу. Торт «Черный принц». И оладьи. Мама говорила, если что-то нравится, ты должен уметь сам себя этим обеспечить, чтобы не зависеть от воли и желания других людей.

Катя поразмыслила и кивнула: что ж, с этим не поспоришь.

– Селедки соленой у тебя, думаю, нет. Торт как-то не в тему. Вот оладьи – в самый раз.

– Я их люблю, но печь не умею, они у меня вечно к сковородке липнут, – призналась Катя.

– Значит, решено?

– Оладушки да блины на солнышко похожи, бабуля так говорила. А сегодня дождливо, солнца не хватает, – вырвалось у Кати прежде, чем она успела сообразить, что это звучит по-детски. Роман засмеет.

Но он не стал смеяться. Нацепил мамин фартук, подошел к посудному шкафу, загремел кастрюлями. Следующий час они посвятили блинам: Рома руководил, Катя была на подхвате.

Роман не соврал: со знанием дела смешал в миске все ингредиенты, ловко переворачивал оладьи на раскаленной сковородке, и получались они ровные, круглобокие – загляденье. На большой тарелке росла золотистая пирамидка, Катя промазывала желтые круги кусочком сливочного масла, насаженного на вилку (брат велел, чтобы не слипались).

– Чайник поставь, – скомандовал Роман. – Сгущенка есть? Или варенье?

– Клубничное и малиновое, – отрапортовала Катя.

– Доставай оба.

Около семи часов уселись пить чай.

– Мама придет, удивится, – с довольным видом сказала Катя и поймала себя на мысли, что совершенно не испыты-

вает никакой неловкости в обществе брата.

Пока пекли оладьи и убрали потом кухню, говорили только по делу, но все равно процесс их диковинным образом сблизил. Оказывается, чтобы подружиться с кем-то, нужно заняться приготовлением еды! Стоит запомнить.

– А ты, оказывается, ничего, – заметила Катя. – Прикольный.

– Ты извини, я вам как снег на голову свалился, – сказал Роман. – Из комнаты тебя выгнал.

– Брось! – махнула рукой Катя. – Живи на здоровье. Я рада, что ты тут.

Сказала – и поняла, что так и есть. Роман улыбнулся.

– Мне у вас нравится. Тетя Зина хорошая, на маму мою похожа. И здесь всяко лучше, чем с... – Он помрачнел, оборвал себя на полуслове.

– Слушай, что у тебя за проблемы в школе были? Которые надо было уладить? На второй год хотели оставить?

– Нет, – усмехнулся Роман. – Я хорошо учусь. Просто историка ударил.

Фраза прозвучала буднично. Катя ахнула:

– Ударил? За что? Ничего себе «просто»!

– Пощечину ему дал. Не выдержал. Урод он потому что. Над людьми издеваться любит. Девчонку одну постоянно изводил, а она и так затюканная. Мы после урока к нему подошли, работы сдавали. Ну и как-то так вышло, он начал гадости ей говорить, она заплакала. Я сказал, что нормальные

мужчины так себя не ведут. Он вызверился, слово за слово, орать начал, замахнулся на меня... А я раньше среагировал. Вот и пошло-поехало.

– Но ты же не виноват был! – горячо проговорила Катя. – Пусть бы другие подтвердили!

– Кому нужны лишние проблемы? Даже та девчонка смолчала. Ладно, это уже в прошлом, все уладилось. А ты в медицинский собралась поступать?

– Как ты узнал? – поразилась Катя.

– Ты забыла, что я живу в твоей комнате. У тебя книжек всяких полно по медицине, справочников. Плакат на стене – человеческое сердце в разрезе. Нетипично, знаешь ли.

– Кардиологом хочу стать, – призналась она. – Мама тоже хотела врачом быть, она очень талантливая, собиралась после медучилища поступать, но забеременела, потом я родилась, а потом с папой... – Она метнула на Рому взгляд: знает или нет? – Потом с папой случилось. И дальше мама уже не стала учиться, работать пошла.

Вопрос про отца повис в воздухе. Роман явно не знал о произошедшем с ним, но не спрашивал, за что Катя была ему благодарна. Но, с другой стороны, он же ей про себя все правдиво рассказал.

– Папа умер, когда я была маленькой, – тихо проговорила она.

– Сердечный приступ? – спросил Роман, решив, что сестра по этой причине и хочет стать кардиологом, но Катя от-

рицательно покачала головой.

– Он покончил с собой. Повесился. – Она качнула головой в сторону окна. – В сарае, во дворе.

Роман собрался что-то спросить, но Катя не дала ему такой возможности.

– Не спрашивай, почему. И вообще, давай закроем эту тему, хорошо?

Они помолчали, но снова в этом молчании не было напряженности, холода. В присутствии Ромы на кухне было нечто естественное, Кате было уютно с ним рядом.

– Почему ты запретила звать тебя Кэт? – неожиданно спросил брат. – Тебе идет. Кать много, а Кэт – она такая одна.

Ей это понравилось – и имя, и то, как Рома о ней сказал. Что она такая одна.

– Ладно уж, можешь иногда называть, если хочешь. Только безо всяких «кузин».

– Договорились.

Зинаида, вернувшись в сумерках с работы, войдя во двор, посмотрела на окно кухни и увидела идиллическую картину: Катя и Рома сидели за столом, пили чай и болтали. Дочка улыбалась, Роман рассказывал что-то.

«Как славно! Подружились, слава богу, – подумала Зинаида, – а то сидели по углам, как сычи».

Кате нужна компания, а в Липнице почти нет ее ровесников.

«К тому же мальчик – вылитая Зоя в его возрасте. – Серд-

це отозвалось привычной болью. – Хорошо, что он приехал».

Зинаида, конечно, не могла знать, что приезд племянника окажется важным звеном в цепи дальнейших событий, и что до погружения их жизни в хаос остаются считанные дни.

Глава вторая

– Мне скучно, – сказала Лизавета. – Я совсем озверела в твоей деревне.

Ян подавил вздох.

– Она не моя, Лизун. Она сама по себе деревня. Вспомни: я ведь предлагал тебе дома остаться, это ты захотела сюда ехать. Но и сейчас не поздно передумать: давай я тебя в Быстрорецк отвезу, буду на выходные приезжать.

Узнав, что летом муж будет работать далеко от города и там же жить (фирма сняла для него полдома), Лизавета заявила, что одного его не отпустит. Он пробовал отговорить ее от поездки:

– Я с утра до вечера, с понедельника до двух часов субботы буду на стройке. А в субботу вечером могу приезжать домой и...

– Никаких «и», – отрезала Лизавета, пакуя чемоданы. – С чего я должна при живом муже все лето одна в городе торчать? За вами, мужиками, глаз да глаз нужен.

К тому же Лизавета уволилась с работы, вернее, всех сотрудников уволили, потому что ателье закрылось. Лизавета

очень переживала, а потом решила до осени отдохнуть, так что с поездкой в Липницу все сложилось одно к одному.

Поначалу было прекрасно: дивное озеро, зелень, симпатичный домик, тихие вечера, книги, неспешные прогулки...

Но через пару недель не терпящая однообразия, ничем не занятая Лизавета заскучала по городу. Милые сельские радости ее порядком утомили, о чем она и заявила вернувшемуся с работы мужу.

– Никуда я не поеду, – возмутилась Лизавета. – В городе-то я что стану делать?

– Тебя не поймешь.

– Очень даже поймешь. Ты приходишь с работы, не разговариваешь со мной, валяешься в гамаке, как тюлень.

Ян представил себе тюленя в гамаке и хмыкнул.

– Ничего смешного, между прочим. Жене нужно уделять внимание.

С этим Ян не спорил и, как говорится, старался соответствовать: дарил приятные подарочки по поводу и без, культурно развлекал в театрах и на выставках, водил жену в ее любимое кафе.

Они поженились прошлым летом, в августе, и это был брак по большой любви. Их чувства еще не успели утратить свежести, отношения не превратились в рутину. Впрочем, оба были уверены, что это им не грозит и в будущем. Не каждый же союз вырождается, а истинная любовь не должна умирать из-за мелких ссор и бытовых разногласий.

Лизавета понимала, что не стоит раздувать, упрекать и ныть (тем более и повода никакого). Но настроение было неважное, и сдержаться ей было сложно. Накрывая стол к ужину, Лизавета не поставила тихонько, а почти швырнула на него плетенку с хлебом и блюдо с овощами. Тарелки и вилки обиженно звякнули. Ян решил погасить конфликт в зародыше. Подошел к жене, обнял ее, ткнулся носом в шею.

– Не злись. Я тебя очень люблю. Устаю просто как собака. Зато денег заработаю, в сентябре на море поедем.

– До сентября еще дожить надо, – буркнула Лизавета, но по тону уже было понятно, что буря миновала.

Стряпала она отменно, умудрялась из самого обычного набора продуктов приготовить нечто изысканное и обалденно вкусное. Ян не мог оторваться от солянки, хотя не очень жаловал супы.

– Ты прости меня, – сказала Лизавета, – веду себя, как сварливая жена из какого-нибудь дурацкого сериала: маюсь от безделья и пилю мужа, который старается изо всех сил, деньги зарабатывает, все в семью, все в дом. Я же не такая.

– Я знаю, какая ты, не волнуйся, – ответил он с набитым ртом.

– Просто не привыкла бездельничать, – продолжила Лизавета, не слушая его. – Постоянно кажется, будто что-то важное проходит мимо меня, а я его упускаю.

– Отдыхать тоже нужно уметь, – философски заметил Ян, – вот и учись.

– Я учусь, – вздохнула она, убрала опустевшие тарелки в мойку и стала мыть посуду. – Как на работе дела?

Ян подошел к окну, сел на подоконник и закурил. В доме курить хозяйка запретила, да он и сам не стал бы, к тому же Лизавета не курит. Но во двор выходить с набитым брюхом было лень.

– Как обычно. Пашем.

Их фирма получила заказ на строительство домов в новом коттеджном поселке, который раскинулся на противоположном берегу Белого озера и назывался точно так же.

К октябрю-ноябрю поселок должен начать заселяться: почти все участки были раскуплены. Место хорошее, живописное, коммуникации проведены, Интернет отличный. От города далековато, но у тех, кто планировал тут жить, имелись машины, так что и это не проблема.

– Классическая картина социального расслоения будет: на одном берегу Белого озера – скромная, еле живая деревушка, на другом – богатенькие «буратины» в нарядных домиках, – проговорила Лизавета.

– Не такая уж «еле живая», – возразил Ян, выдувая дым в окошко, – народ активизировался. Кто жильё строителям сдает, кто на стройке работает, а потом будут ездить в поселок уборку делать, траву косить, ремонтировать по мелочи; яйца, овощи, молоко продавать. Так что жизнь закипела, всем хорошо.

Лизавета домыла посуду и тоже уселась на широкий под-

оконник. Окно кухни, как и спальни, выходило в заросший сад. Хозяйка, баба Лена, которая жила во второй половине дома, в этом году ничего не сажала – хворала, так что грядки скрылись под слоем сорняков, кусты черемухи разрослись, а ветки многих яблонь были поломаны. Но все же Лизавете нравился сад, она любила бродить по нему и качаться в гамаке, глядя в причудливое зеленое сплетение ветвей над головой.

За стеной что-то громыхнуло. Супруги прислушались, но больше никаких звуков не было.

– Наверное, дверь захлопнула, – предположил Ян. Лизавета дернула углом рта: возможно. Они с бабой Леной не общались, и это радовало. Куда хуже, если бы старуха от нечего делать постоянно заявлялась под разными предлогами или вздумала контролировать, как и что делают жильцы.

– Лизун, я тут подумал... У меня к тебе предложение, – внезапно проговорил Ян.

– Неприличное, надеюсь? – усмехнулась Лизавета.

– Это чуть позже. А сейчас я хочу пригласить тебя на выходные в поход.

В голосе Яна звучал неподдельный энтузиазм. Он был увлекающимся человеком: если идея казалась ему стоящей, он брался за ее реализацию со всем пылом. Лизавету эта его черта всегда немного пугала, но вместе с тем очаровывала. Она повернулась к мужу.

– Куда? На озеро? Я там уже каждую травинку знаю. Пока

дожди не начались, загорать ходила постоянно.

– Почему на озеро? В лес. За Липницей огромный лес. Места красивейшие, еще и с историей.

– С какой? – спросила Лизавета, почему-то подозревая худшее.

– Расскажу потом. Так ты согласна? Будет круто! Завтра суббота, я постараюсь прийти с работы пораньше. Примерно в час или в крайнем случае в два сможем выдвинуться. Заночуем в лесу: костер, романтика, палатка, только мы вдвоем, а? Будем печь в золе картошку, рассказывать друг другу страшилки и любовью под звездами заниматься. Палатку я ставить умею, в юности в походы ходил.

– У нас же ее нет.

– У нас нет, а у Семенова есть. – Семенов был коллегой Яна. – Он запасливый, чего только с собой не притащил. На всякий случай.

– А лесу мокро, наверное, – с сомнением протянула Лизавета, – три дня дождь лил.

– Дождя нет уже со вчерашнего дня, – отмахнулся Ян. Он чувствовал сопротивление жены и испытывал досаду. – Ты сама на скуку жаловалась, вот тебе и развлечение. Чем ты опять недовольна?

Правда, чего раскапризничалась, подумалось Лизавете.

Человек старается, развлечь ее хочет, а ей опять неладно?

– Уговорил, – сказала она, – значит, завтра в поход!

Они принялись обсуждать, что нужно взять. Ян достал

ручку, нашел листок бумаги и составил список необходимого. Почти до полуночи Ян и Лизавета укладывали вещи, то и дело вспоминая, что забыли нечто важное: то влажные салфетки, то спички. Лизавета была уверена, что в итоге они непременно оставят дома то, без чего нельзя обойтись, зато потащат кучу ненужного хлама.

– Жалко, велосипедов нет, – вздохнул Ян.

– А что, Семенов разве с собой не взял? – язвительно отозвалась Лизавета.

– Ничего, пешком даже лучше. Вернемся в воскресенье, часам к пяти. А если понравится, можем и на следующие выходные махнуть.

Лизавета видела, что муж не на шутку загорелся перспективой похода, она и сама вроде бы должна радоваться смене обстановки и желанию Яна доставить ей удовольствие, устроить запоминающееся приключение.

Но что-то мешало.

Дурное предчувствие? Так ведь сроду ничего такого не было. И потом, что может случиться? Они взрослые люди, в глушь лезть не собираются, да и какая тут особенная глушь может быть? Не Сибирь все-таки.

Поздно ночью, когда Ян давно спал, Лизавета вертелась с боку на бок, никак не могла устроиться: то подушка казалась слишком мягкой, голова проваливалась в нее, как в яму; то одеяло было слишком горячим, то диванная пружина упиралась в бок.

«Места красивейшие, еще и с историей», – вспомнились ей слова Яна.

«Надо было заставить его рассказать, что за история такая», – подумала Лизавета и покосилась на мужа. Будить сейчас, понятное дело, не вариант, ему встать в половине шестого.

Молодую женщину не покидала твердая уверенность: знай она эту историю, возможно, отказалась бы от затеи с походом. А теперь уже поздно. Она вздохнула и повернулась на правый бок. Пружины взвизгнули, Ян пробормотал что-то во сне.

Спустя некоторое время Лизавета крепко спала. В окошко заглядывала луна, ветерок перебирал черемуховые ветви, отчего по стене ползли змеевидные черные тени.

... Когда Лизавета уже уплыла в страну сновидений, перестав, тревожиться о предстоящем мероприятии, другая женщина, мирно спавшая до этой минуты в другой постели, внезапно проснулась.

Ей приснился кошмар, один из тех, что мучали ее прежде, когда были живы и не успели одряхлеть родители; когда болезнь, затаившаяся в сильном теле любимого мужа, не подняла голову, не оскалила зубы и не отправила его в лучший мир буквально в считанные недели. В те далекие времена муж утешал ее, давал попить водички, гладил по тогда еще густым темным волосам.

Сейчас успокоить старуху было некому, и ужас пережито-

го во сне разливался по венам, леденя и отравляя тело. Она обхватила себя руками, трясась и пытаясь сглотнуть колющий ком, что застрял в горле.

Самое страшное заключалось даже не в том, что происходило во сне. Хуже всего была причина, по которой старые страхи вернулись.

В Липнице снова будет беспокойно – другого слова старая женщина подобрать не могла. Нынче сюда приехало много чужаков, и в деревне этому радовались: появится новый поселок, а значит, новые рабочие места и новые возможности. Никто, кроме старухи, которую уже заждались на другой стороне бытия родные и близкие, не понимал, *что* может произойти.

Потому что чужаки не знают. Не понимают ничего. Они думают, что знают все о жизни, но на самом деле похожи на детей, которые лезут в темную пещеру без фонаря и ножа, не подозревая, что может поджидать внутри.

«Нечего им тут делать, зря они сюда явились. Не стоит будить монстров, пусть себе спят, но им, городским, разве объяснишь?» – так думала старуха все эти недели, но сейчас ясно поняла: ничего не изменить, кто-то уже бросил с вершины горы снежок, и тот покатился вниз, с каждой минутой увеличиваясь, наращивая силу. Совсем скоро снежок разрастется до гигантских размеров и тогда погребет, похоронит под собой все живое...

Женщина завздохала и завозилась, постепенно отогрева-

ясь, приходя в себя. Можно было попробовать поверить, что это и вправду только сон, всего лишь сон, который не имеет смысла и ничего не предвещает.

Но старуха привыкла быть честной перед собой и людьми. И сейчас она знала: это ложь. Все уже началось, отсчет пошел.

«А ты-то что же? Ты единственная, кто знает! – строго произнес в голове голос покойного мужа, ушедшего во тьму тридцатисемилетним. – Должна хотя бы попробовать оставить это!»

– Ты прав, – прошептала она. – Я должна, но... – Старая женщина почувствовала, что плачет. – Но это так страшно, а я очень слаба. Лучше уж ты забери меня к себе. Прямо сейчас забери!

Муж молчал, ничего не говорил ей больше. И с собой не взял. Это было безжалостно с его стороны, но следующее утро для старухи все же наступило.

Глава третья

Роман не умел кататься на велосипеде. Катя, которая гоняла на велике, сколько себя помнила, не могла понять, что здесь сложного: крути себе педали, лети вперед. Но у Ромки не получалось держать равновесие.

– Я научусь, но не за один же день, – виновато сказал Роман, в очередной раз выбираясь вместе с многострадальным

велосипедом из придорожных кустов.

– Ладно, придется пешком идти, – решительно проговорила Катя. – К тому же по лесу все равно не проедешь, а бросать велосипед где попало не годится. Спереть могут.

Насчет похода они решили еще вчера. Идти собрались в субботу утром, когда мама на работу уйдет. Она точно будет против, поэтому ей ничего не скажут. Вернутся вечером, до ее возвращения, мама и не узнает ни о чем. Мало ли где они днем были. Может, на Белое озеро ходили.

С того памятного ужина с блинами брат и сестра сдружились, Зинаида нарадоваться не могла. Дети, до той пор чуравшиеся друг друга, теперь охотно проводили вместе время, играли в игры на смартфонах, болтали обо всякой чепухе, шутили, а со среды, как закончились дожди, стали ходить купаться на озеро. Однажды съездили в райцентр, но там Роману не понравилось.

Идея похода пришла Кате в голову, когда они валялись на берегу озера, плаваясь от жары. Озерная вода сверкала, переливалась яркими солнечными бликами и была до странности теплой: заходить ничуть не боязно, все равно что в ванну ложишься.

– Это потому, что дожди прошли, – авторитетно заявила Катя. – После дождя вода всегда теплая!

Они накупались до тошноты и теперь загорали, расстелив на траве старенькое коричневое покрывало. К солнцу подобралась маленькая тучка, обхватила его мохнатыми лапами,

и на лицо Кати упала тень. Роман лежал на животе, перебирая травинки.

С противоположного берега озера то и дело долетал рев работающих двигателей, голоса людей – над водой звуки разносятся отлично, к тому же озеро было не такое уж большое. Там строили коттеджный поселок, и Катя еще не решила, нравится ей эта идея или нет. С одной стороны, хорошо: сонную тишину Липницы давно пора было нарушить, а с другой – жалко нетронутости, покоя.

Когда что-то ломается, последствия могут быть разные.

– Хорошо у вас. Я думал, каторга будет: глухомань, сестрица мелкая с теткой начнут на пару мозг высверливать. А получилось ничего так. – Он улыбнулся. – Не совсем вы дремучие.

Катя пихнула его локтем в бок и обозвала балбесом.

– Ты на будущее лето тоже приезжай. Если тебе нравится.

Роман помолчал, а потом проговорил:

– Мне поступать надо будет. Не смогу, наверное.

– Куда поступать? – спросила Катя, думая, что так и не удосужилась поинтересоваться раньше.

Следом пришла мысль, что она ему о себе все выложила, как сказала бы Лора, нашла свободные уши. А ведь Катя не была болтливой, секреты держала при себе. Просто Ромка был... Она задумалась. Каким? Сразу не скажешь, но было в нем что-то основательное. С такими людьми хочется делиться важным.

А сам Рома больше слушал, чем рассказывал. Даже о том, кем собирается стать, не упомянул.

– Поступить? – тем временем переспросил брат. – Отец считает, мне нужно ехать учиться в Европу.

Ничего себе заявочки! Кате почему-то стало грустно.

– А ты сам как считаешь?

Роман нахмурился, пожевал губами и сказал деревянным голосом:

– У меня хороший английский. Учеба за границей – это перспективы, будущее. К тому же это научит меня самостоятельности.

Слова были правильные, вот только не Ромкины. У Кати возникло ощущение, что брат чего-то недоговаривает, что тема ему неприятна. Повисла пауза, которую захотелось срочно заполнить: Катя чувствовала, как она растет, расплывается, грозя превратиться в черную дыру.

В голове не пойми с чего всплыла картинка: старинное поместье, высокие толстенные стены и башенки, аккуратная зеленая лужайка, белые щупальца тумана, а кругом – холмы с черным лесом у самого горизонта. Короче говоря, классический замок с привидениями. Вид воображаемого места вызвал вполне ожидаемую ассоциацию, и Катя, не успев ничего обдумать, выпалила:

– Знаешь, не только в какой-нибудь Англии загадочно и круто. У нас места такие... – Она пощелкала пальцами, подбирая подходящее слово. – Мистические. Жуткие, в общем.

Роман сел и поглядел на сестру. На том берегу завизжала электропила (или другой инструмент, издающий зубодробильный звук).

– Ты о чем? – заинтересовался брат. – Все вроде тихо-мирно.

– Это тут, в Липнице, на озере. А в лесу – совсем другое дело. Там такое!

– Какое? Не томи. – Рома слегка усмехнулся, и Катя поняла, что он считает ее слова детскими выдумками. Тоже мне, взрослый! Всего на два года старше, а самомнение!..

Вообще-то про то, что находилось в лесу, Катя говорить не должна. Если бы мама узнала, что она обсуждает такие вещи с Ромой, отругала бы. Никто из местных *этого* в беседах не упоминал, в лес в *ту самую* сторону люди не ходили и в целом предпочитали делать вид, что ничего там нет.

Детям строго-настрого запрещалось одним приближаться к заброшенной дороге, ведущей *туда*, и все привыкли – нельзя так нельзя. Гиблое место, как его называли, оно и есть гиблое, нормальный человек не сунется, стороной обойдет, говорить о таком не станет: ни к чему в свою жизнь *поганое* тащить.

Затронув запретную тему, Катя уже через секунду пожалела об этом, но отступать было поздно. Поэтому пришлось продолжать.

– Зря я ляпнула. Но раз уж... – Катя тоже села и откашлялась. – Километрах в шести от нас или больше заброшен-

ный поселок есть. Его в советское время построили, после войны. Названия нет, только номер. В-26. Он секретный был или вроде того. Люди, которые там жили, на комбинате работали. Предприятие тоже осталось, заброшенное. Старики говорят, когда поселок только-только строить начали, местные знали: добра не жди.

Сама того не заметив, Катя заговорила на манер покойной бабушки или бабы Лены, которую мама просила присмотреть за дочкой, пока сама была на работе. Бабушка с дедушкой умерли один за другим, когда Катя пошла в первый класс.

– Почему они так думали? – Рома смотрел серьезно, без улыбки.

Катя приободрилась.

– Точно не знаю. Никто не знает. Одни говорят, там кладбище старое было. Нельзя же мертвых тревожить! Другие думают, там была деревня, где жили вогулы – манси. Их прогнали с тех мест, и шаманы прокляли поселенцев. Но как бы то ни было, а только не успели люди поселиться, как началось.

Катя выдержала драматическую паузу.

– Что началось? – не выдержал Роман.

– Люди стали гибнуть. И не просто так – сердце, грипп или авария. В одно прекрасное утро нормальный человек с катушек слетал, с ума сходил и... – Катя запнулась, – сам себя убивал.

Роман бросил на сестру сочувственный взгляд, но она не заметила.

– Пропадали многие, исчезали бесследно, никто найти не мог. Потом страшное преступление совершилось: девочка одна пропала, но на этот раз пропавшую нашли. Мертвой. Отец ее считал, что начальник поселковый дочку его подкараулил, изнасиловал и убил. Ему не верили, дело забуксовало, убийцу не искали. Тогда отец с горя сам преступника наказал: убил его, жену и детей.

Роман покачал головой: ужас, что и говорить.

– Но и это еще не все. В конце восьмидесятых или в начале девяностых снова случилось массовое убийство, еще больше народу погибло. Убийца был тихий, бессловесный инженер, и вот втемяшилось ему что-то в голову, мерещиться начало – и он убил семью и соседей. Говорят, человек десять! Или даже двадцать.

– Или тридцать, – сказал Роман.

Увлеченная рассказом Катя не заметила иронии.

– Не знаю, сколько. Неважно. Много. После этого люди оттуда разбежались. Уехали кто куда, а предприятие закрыли. С тех пор там никто не живет. Никто туда даже не заглядывает. Бабуля моя... Она тебе, кстати, кто?

Роман почесал переносицу.

– Наверное, двоюродная бабушка, раз ты – двоюродная сестра.

Катя обдумала его ответ.

– Звучит логично. Так вот, она говорила, что в гиблые места – такие, как тот поселок, – нельзя ходить потому, что они прилипают к человеку. – Девочка замялась, пытаюсь сформулировать яснее, чтобы Роман понял. – Люди ушли, но то зло, которое их прогнало, осталось. Оно никуда не девается, так и обитает там, звереет, сходит с ума от голода. А если человек туда сунется, оно за ним увяжется, станет таскаться хвостом. Бедолага, конечно, ничего не увидит, не заметит поначалу, но вскоре поймет.

Брат не особенно проникся этими словами, но Кате хотелось, чтобы он осознал, прочувствовал. Поэтому она немного понизила голос и нараспев, как бабушка это обычно проносила, договорила:

– И стоит тот поселок заброшенным уже больше тридцати лет. Никто туда не ходит, близко не приближается ни днем, ни ночью. А если угораздит кого забрести в те места, обратно он уже никогда не вернется. По ночам в тех краях голоса слышны: плачет кто-то, воет, стонет...

– Кто же слышит, если никого там не бывает? – перебил Роман.

Катя прикусила губу: в самом деле, кто?

– Знаешь, что я думаю? – Роман прищурился. – Чушь все это!

– Как это – чушь? – возмутилась Катя. – Поселок точно есть, мне мама говорила. Я к ней прицепилась с вопросами, когда мелкая была. Она врет, по-твоему?

– Почему сразу врет? Есть поселок, кто спорит. Но страшилки выдумали специально, чтобы народ туда не совался, особенно дети. Поселок нежилой, все кругом рушится, стены ветхие. Ползет какой-нибудь дурачок малолетний и свалится, ноги переломает. Или кирпич ему на башню упадет. Кому такое счастье нужно? Вот и придумали от греха подалее.

– Не знаю, – с сомнением отозвалась Катя. – Может, ты и прав.

– Я прав, – заявил Роман. – Но это не отменяет того факта, что там, по-видимому, просто мега круто. Как в Припяти! Интерьеры советской эпохи, дома, подъезды, квартиры, время застыло... – Он вскочил с одеяла. – Если туда, как ты говоришь, никто не ходит, то получается, место не истоптанное. Мы будем первыми, кто там окажется за много лет!

– Кто? Мы? – Кате стало не по себе. Такого она не ожидала и, рассказывая Роме эту историю, не предполагала, что ему вздумается прогуляться в мертвый поселок. – погоди, ты же сам говорил, что там все древнее, еле держится, сунется малолетка – и пиши пропало!

– Так мы не тупые малолетки. – Роман многозначительно приподнял бровь. – Я так точно нет. Насчет тебя не уверен.

– Хватит меня троллить! – притворно надулась Катя. – А вообще ты прав. Я в Липнице всю жизнь живу, а в заброшенном поселке не была.

– Вот и я о том.

– Решено. Маме только не проболтайся, она меня убьет. И тебя заодно.

Глава четвертая

В субботу Ян вернулся с работы пораньше, как и обещал. У Лизаветы все было давно готово, так что оставалось только отнести вещи в багажник и отправиться в путь.

Они решили доехать до одного местечка в лесу (коллега Яна, живший недалеко отсюда, в райцентре, подсказал направление), оставить машину и дальше двинуться пешком.

По словам все того же местного строителя, если пойти в правильном направлении, то примерно километра через четыре увидишь небольшой водопад. Невысокий, конечно, но живописный. Называют его Кузнечиком, потому что он с мелодичным журчанием скачет по камням. А рядом есть поляна, на которой можно поставить палатку.

– Красота же! – радовался Ян. – Будем жарить сосиски, печь картошку и слушать Кузнечика.

Семенов одолжил им свою потрепанную палатку (к счастью, она оказалась двухместной). Еще у него имелись надувная подушка, спальник и туристическая газовая лампа. Больше ничем полезным он поделиться не мог. Пришлось брать одеяла (не на земле же спать), а если прибавить к этому продукты и прочие мелочи, то рюкзаки получались увесистые. Лизавета гадала, как она станет тащить на своем гор-

бу этакую тяжесть. Не ровен час, свалишься, ноги переломашь.

Однако в целом Лизавета была настроена оптимистично: энтузиазм Яна передался и ей, так что она горела желанием отыскать Кузнечика и провести подле него много приятных часов.

Автомобиль вырулил за пределы деревни и покатил в сторону леса. Дорога вела в глушь, в противоположную от районного центра и всей цивилизации сторону, делаясь по мере удаления от Липницы все *уже*, хуже, непроходимее.

Придорожные кусты сжимали дорогу с обеих сторон, а когда машина въехала в лес, ветви деревьев нависали над нею, так что Яну и Лизавете казалось, что они очутились в тоннеле.

Но какая-никакая, а дорога имелась, и Лизавета спросила, куда она ведет.

Ян, не поворачиваясь к жене, ответил:

– Дальше поселок есть. Зброшенный. В советское время то ли производство какое-то было, то ли добывали что, точно не знаю. Потом перестройка началась, многие предприятия закрылись, сама понимаешь. И там тоже все остановилось, работы не стало, поселок опустел, люди ушли. С той поры никто в поселке не живет, а дорога заросла.

Лизавета была не из тех людей, которых манила романтика заброшек и покинутых мест. Она не понимала, что некоторые находят в том, чтобы лазать по оставленным людьми

строениям: на нее саму они наводили жуть. Потом Лизавете вспомнился недавний разговор, и она спросила:

– Это и есть та история, про которую ты говорил?

– Почти.

– То есть?

Он побарабанил пальцами по рулю.

– Мужики говорили, в начале девяностых, когда поселок еще был обитаемый, один из жителей с катушек слетел и... Кучу народу положил. А когда убийцу стали спрашивать, почему он это сделал, он отвечал, дескать, это были не люди, а чудовища, он должен был их перебить, а то они бы вырвались в большой мир. Вроде как голос ему был. Или явление кого-то там.

Лизавета потрясенно уставилась на мужа.

– Янчик, солнце мое, скажи, а ты всерьез думал, что этот кошмар покажется мне увлекательным? Что мне приятно будет нервишки пощекотать, послушать это в ночи, сидя возле костра, рядом с местом преступления?

– Перестань, не начинай, пожалуйста! Ничего не рядом. Мы будем совсем в другой стороне.

– Я ненавижу эту оккультную чушь, эти стивенкинговские ужасы, ты же прекрасно знаешь! – продолжала кипеть Лизавета.

– Кинг тут с какого боку? Тот чел просто психом был, ясно же. А еще есть версия, что все дело во вредном производстве, в излучении каком-нибудь, от которого у рабочих в

голове мутилось. Предприятие, может, потому и закрыли в итоге, что оно наносило вред здоровью людей.

– Час от часу не легче.

– Это же интересно. По меньше мере, нетривиально. У тебя совершенно атрофирован здоровый авантюризм, – грустно сказал Ян.

– Зато у тебя его в избытке. Причем нездорового.

Лизавета уже остыла. Обычные байки, еще и давнишние. Но все же оказаться близ того места не хотелось.

– Мы через поселок этот должны проехать? – недовольно спросила она.

– Не волнуйся, этого в планах нет. Мне сказали, с правой стороны дороги будет огромное дерево. Мимо не проедем, оно бросается в глаза. Возле него можно оставить машину, а дальше пойти пешком. У меня есть навигатор, уже заданы координаты Кузнечика. Мы спокойненько до него доберемся.

– Как-то все это... – Лизавета не могла объяснить, что, собственно, ее тревожит, и умолкла.

– Беспокоиться не о чем. К этому водопаду люди часто ходят, мне фотки показывали. Он в противоположной стороне от заброшенного поселка.

– Они-то ходят, потому что местные. Знают эти места. А мы с тобой городские и....

– И у нас навигатор. – Судя по тону, Ян стал терять терпение, и Лизавета сочла за благо не наседать.

К тому же они увидели то самое дерево, возле которого им надлежало оставить машину.

– Настоящий исполин! – восхитился Ян.

– Скорее, монстр, – отозвалась Лизавета. Дерево показалось ей зловещим.

Действительно, оно было очень толстым: если бы Лизавета и Ян встали и обхватили ствол, то, наверное, размаха их рук не достало бы, чтобы его обнять. Кора гиганта была белой.

– Это платан? – предположил Ян. Он не был уверен, растут ли здесь платаны. Лизавета тоже этого не знала.

Припарковать автомобиль труда не составило: коллега Яна не соврал, возле дерева имелась небольшая площадка.

– Мы оставим, а дружки твоего знакомого придут и угонят машину, – сказала Лизавета. – Может, он тебя специально для этого сюда и заманил.

– Это паранойя в тяжелой форме, – усмехнулся Ян. – Васечкину (я тебе не говорил, какая у него фамилия?) еще предстоит до конца сентября работать на нашу фирму и зарплату получать. Он бы так не подставился.

Повесив на спины рюкзаки, они двинулись вглубь леса. Машина осталась ждать их возле монструозного дерева, напоминая Лизавете грустное терпеливое животное.

«Мы скоро вернемся», – мысленно пообещала она.

Дорога в заброшенный поселок осталась справа. Лизавета покосилась в ту сторону, думая, что ни за какие коврижки

не согласилась бы туда отправиться.

Им пришлось углубиться в чащу – еле видимая тропа повела их вперед. Ян сверялся с навигатором и бодро шагал, хотя его рюкзак был намного тяжелее Лизаветиного.

Понедельник и вторник на этой неделе были дождливыми, но уже со среды, как вещали в таких случаях синоптики, установилась сухая, теплая, солнечная погода.

Однако в чаще было влажно. Лес еще не успел просохнуть, напитавшись влагой, не спеша ее отдавать. Он был странно густым, деревья росли чуть не вплотную, кусты образовывали плотный заслон, а травы опутывали ноги, мешая идти.

Через полчаса Лизавета почувствовала, что начала уставать. Она вспотела, рюкзак вдруг стал тяжелее на несколько килограммов, одолели комары.

– Ян, давай остановимся на минутку, – взмолилась она. – Надо от комаров побрызгаться, они лютые и здоровенные, как крокодилы.

Муж послушно остановился. Как показалось Лизавете, с облегчением: устал, наверное.

– Передохнем чуток.

Она вытащила из кармашка рюкзака спрей, и они побрызгали друг друга, а еще попили воды.

– Яблоко хочешь? – спросил Ян.

От яблока Лизавета отказалась, зато съела банан, присев на толстый ствол поваленного дерева. Ноги гудели, сидеть

было приятно, и она, разнежившись, сказала:

– Я тут подумала... Не хочу больше куда-то устраиваться и на кого-то работать. Хочу открыть свое ателье. Сама решила попробовать. Что скажешь?

Спросила и замерла: как Ян отреагирует? Скажет, что она вечно строит воздушные замки; свое дело – это сложно, какая из Лизаветы бизнесвумен?

Она внутренне ошетибилась, приготовилась обороняться и защищать свою слабенькую и ранимую новорожденную идею. Но Ян ничего подобного не сказал.

– Я тебе давно собирался предложить подумать об этом, – спокойно ответил он. – Ты талантливая, к тебе очереди всегда стояли, заказов полно было. Зачем от кого-то зависеть? Уверен, все получится. Помогу, чем смогу.

Лизавета подумала: «Как же я его люблю», но сказать ничего не смогла от полноты чувств. А потом все же выдавила:

– Вот за то, что ты у меня такой хороший, я двадцать километров готова пройти и не жаловаться, никогда с тобой не спорить и во всем слушаться.

Он тихонько засмеялся.

– Никто тебя за язык не тянул. Слушаться – это хорошо, это тешит мое мужское эго. А идти столько не потребуется, мы почти на месте.

Ян уткнулся в навигатор.

Лизавета была погружена в счастливые мысли о том, как все сложится, если у нее получится (а почему бы и не полу-

читься?), поэтому не сразу заметила, что Ян хмурится и возит пальцем по экрану.

– Что случилось? – спросила она.

– Не показывает ничего, зараза.

– Попробуй перезагрузить.

– Два раза уже. Не помогло.

Вот так новости. Радужное настроение померкло.

Лизавета вынула мобильник.

– Попробуем тут координаты ввести.

– Сотовой связи нет. Меня сразу предупредили. Видимо, вышка далеко. И вообще – лес.

Ян произнес слово «лес» так, словно это все объясняло. Или будто они забрались в несусветную глушь. А ведь мобильная связь в той же Липнице отличная, и Ян с Лизаветой не очень далеко оттуда.

Или все же критично далеко? Еще ведь и на машине ехали...

– Сотовые не ловят, навигатор отрубился, а ты не знаешь, куда нам идти, так? – ровным голосом, плохо скрывающим досаду, спросила Лизавета, позабыв о своем обещании не спорить и слушаться.

Ян сердито посмотрел на жену.

– Не нагнетай, будь добра. Мы в двух шагах от дороги и машины. Прошли всего ничего. Направление я примерно помню, не заблудимся. Нужно только идти туда же, куда шли. Тут близко.

«А может, лучше плюнуть на эту затею и вернуться обратно?» – чуть не сказала Лизавета, но представила себя огорченное лицо Яна и промолчала.

Двинулись дальше. Если раньше Лизавета не смотрела по сторонам, то теперь старалась на всякий случай приглядываться, запоминать дорогу. Ян шел вперед уверенно (или делал вид, что прекрасно осведомлен, куда идти).

Лизавета старалась ступать осторожно, чтобы не подвернуть ногу. Кажется, лес стал еще гуще, еще непролазнее.

То, что они бредут куда-то не туда, стало понятно примерно минут через сорок.

Ян остановился и сказал:

– По-моему, мы уже должны были прийти. Уж очень долго идем.

Голос мужа был таким несчастным, что Лизавета передумала его пилить.

– Ты уверен, что направление было правильное?

– Да... Поначалу. Я и тропинку видел, не мы первые идем к Кузнечнику. Но потом тропинка пропала.

Они постояли, озираясь по сторонам, и вынуждены были признать: никакой тропинки. Все кругом выглядело одинаково нехоженым.

«Дикий лес, а в центре – мы. И где-то поблизости – заброшенный поселок. Надеюсь, все-таки не очень близко», – подумала Лиза.

– Выход один. Пока мы окончательно не забрели в чащу,

надо вернуться назад к машине.

Ян прикусил губу.

– Похоже, ты права.

Только это оказалось не так просто сделать. Словно по волшебству, лес сомкнулся вокруг них, закружил молодых людей в хороводе. Словно живое существо, он старался запутать Лизавету и Яна: примятая кроссовками трава распрямлялась, скрывая их следы, кусты вставали плотными рядами, как пехотинцы, идущие в атаку.

Ян и Лизавета, растерянные и уставшие, шли и шли, боясь остановиться, но ни он, ни она не могли с точностью сказать, с какой стороны пришли и куда теперь идут.

Глава пятая

До поселка они шли несколько часов. Катя думала, что будет быстрее, но точно знать не могла, только предполагала. Роман уже пожалел, что сагитировал сестренку, но деваться было некуда. Не признаваться же в том, что идея была кретинская. Вдобавок Катя подумает, чего доброго, что он воспринял всерьез ее слова про проклятие поселка, испугался.

Вышли рано, восьми не было. Позавтракали и двинули. На улице им никто не встретился, и это хорошо: озеро в другой стороне, выезд из поселка и автобусная остановка – тоже. Могли возникнуть вопросы, куда они намылились с утра пораньше, еще и с поклажей, а объясняться ни с кем не хо-

телось.

Катя шла налегке, Роман нес старенький дедовский рюкзак, в который они положили воду, бутерброды, яблоки, печенье, фонарик, веревку, пачку влажных салфеток и складной ножик. Что еще полагается брать, когда идешь в заброшку, Роман не знал. В последний момент Катя спрей от комаров засунула (как быстро выяснилось, правильно сделала), йод и зачем-то аспирин. Роман не стал спорить: не тяжело же, запас карман не тянет.

Телефоны зарядили под завязку, Рома собирался много снимать. На всякий случай взяли пауэрбанк: вдруг зарядки не хватит?

День еще не разгорелся, но уже чувствовалось, что к полудню будет жарко. Однако ребята углубились в лес, а там оказалось прохладно и почему-то влажно, как в тропиках, хотя дождей уже несколько дней не было.

Шли молча: сэкономили силы. Дорога была заросшая, лес напирал на нее справа и слева, но она все равно не желала окончательно исчезать, бежала вглубь леса.

– Видать, ездят туда, – ревниво сказал Роман, – а иначе за столько лет колея пропала бы.

Он начал подозревать, что ничего интересного в поселке не ждет: самое крутое давно растащили, на их долю останется пара убогих развалин да горы мусора. Но Катя его успокоила.

– Говорю же, не суется в поселок никто. Местные боятся,

чужие про него не знают. Ты вот не знал, хотя твоя мама отсюда родом! А другие и подавно. Дорога осталась потому, что люди по ней ездят и ходят к водопаду. Он Кузнечиком называется. Здесь недалеко.

– Кузнечик, – хохотнул Роман.

– Симпатичный водопадик. Не Ниагара, но всем нравится.

Там мило, скамеечки даже есть.

Если скамеечки, тогда конечно. Ладно, бог с ним, с Кузнечиком.

Брат с сестрой опять умолкли и в тишине добрались до толстого дерева, возле которого дорога если и не обрывалась совсем, то вырождалась в едва заметную тропу.

– Ого, вот это баобаб! – присвистнул Роман.

– Сам ты баобаб, – отозвалась Катя и ткнула пальцем вбок: – Если вот сюда свернуть, попадаешь к водопаду. А поселок – прямо. Видишь, нету нормального пути, кончился. Убедился теперь?

Они перекусили, попили воды и отправились дальше. Теперь идти было намного сложнее. У Романа, который терпеть не мог физкультуру и спорт, не любил ходить пешком, с непривычки начали ныть мышцы, но Катя вышагивала энергично, и он старался не подать виду, что устал. Как раз на этом участке пути ему и пришла мысль о том, что зря они сюда потащились.

Мысль набухла, как гнойник, грозила прорваться раздражением и вылиться в склоку, но тут, к счастью, Катя, кото-

рая шла впереди, скрылась за очередным поворотом, и спустя секунду Роман услышал вопль:

– Вот он! Ура! Пришли!

«Ага, ура, – согласился с сестрой Роман. – Еще бы полчаса посайгачили по этим колдобинам, и я бы откис».

Он ускорил шаг и через несколько секунд стоял возле Кати. Опасения, что путешествие было напрасным, растаяли без следа. Поселок определенно стоил того, чтобы прийти сюда. Не Припять, конечно, а лишь небольшой населенный пункт, десятка два двухэтажных домов, но выглядел В-26 завораживающе, как и все места, откуда ушли люди.

Роман подумал, что больше тридцати лет назад здесь был лес – дикий, глухой, и жили в нем разные звери, и птицы приветствовали весну на разные голоса, и высокие деревья поднимали зеленые головы к солнцу.

А потом пришли люди. Они решили, что им нужно это место, что они хотят отобрать его у природы и заполучить себе. Вырубили деревья, выкорчевали кусты, выжгли траву. Прогнали зверей и птиц. Построили кирпичные коробки, пригнали сердито ревущие машины, плюющиеся вонючим сизым дымом.

Люди украли у леса этот клочок земли и поселились тут. Воцарились. Работали, ходили в магазины и на почту, учили детей в школе, отмечали дни рождения и встречали Новый год. Зима шла за летом, люди женились, рожали сыновей и дочерей, умирали...

А потом случилось что-то – и все снова изменилось. Лес забрал себе то, что ему принадлежало, а люди убрались прочь. Испуганные, побежденные.

Теперь улицы заросли бурьяном, сорной травой и деревьями, окна тут и там были разбиты, сквозь крыши пробивалась молодая поросль. Буйная зелень пожирала стены зданий и лавки возле домов. Ржавчина разъедала железо, деревянные постройки догнивали. Неопрятные кучи мусора (отломанные доски, битый кирпич, железки) высились возле некоторых строений. Пара домов пострадала от пожара, и Роман спросил себя, почему огонь не перекинулся на другие здания? Решил, что пламя погасил дождь.

Отчего-то хотелось говорить вполголоса, двигаться тише. Как будто это было кладбище или церковь.

«Или как будто ты боишься потревожить то, что дремлет несколько десятков лет».

– Печально, да? – дрогнувшим голосом сказала Катя.

– Есть такое дело.

Они, не сговариваясь, медленно пошли вперед по некогда, наверное, опрятной, тихой улочке, мимо серых домов, словно бы припавших к земле. Разбитые окна напоминали треснувшие стекла очков.

Роман принюхался, потянул носом воздух. Пахло золой, землей, травой, сыростью. Воздух застревал меж унылых рунин, запутывался в развалинах, никак не мог вырваться – отсюда и затхлость, и мертвая стылость.

«Мне тут не нравится», – подумал Роман.

Улица вывела их с Катей на небольшую площадь, по всей видимости, к центру поселка. На самом видном месте высилось некогда желтое здание без окон и дверей, с раскрошившимися широкими ступенями.

– Дворец пионеров, вероятно. Или дом культуры, – блестя знанием советского быта Катя. – Или администрация. Как они раньше назывались?

Роман не ответил. Он разглядывал стоящий перед зданием прямоугольный постамент. На него взгромоздился памятник. Точнее, бюст: голова и плечи. Не понять уже, кто это, потому что от головы осталась только половина, но, скорее всего, это был Ленин, неизменный житель всех советских городов и поселков.

Невдалеке виднелось длинное полуразрушенное двухэтажное здание. Наверное, школа или больница. Или то и другое. Поселок небольшой, могли и совместить в одном строении, предположил Роман.

Они с Катей прошли мимо магазина, на котором висела ржавая кривая вывеска «Продукты». Буква «Д» оторвалась и упала, от «Б» отвалилась палочка, так что слово звучало по-детски, смешно и беззубо: «Проукть».

– Атмосферное местечко, – заключил Роман и вспомнил, что ничего не сфотографировал.

Он извлек из кармана мобильник, глянул на экран. Его поразили две вещи, и, видно, изумление отразилось на лице,

поскольку Катя спросила, что случилось.

– Ничего особенного. Связи нет. Классика жанра.

– Там, где время остановилось, не может быть Интернета и сотовой связи, – важно проговорила Катя, и Роман с интересом поглядел на сестру.

– Гладко излагаешь, – одобрил он. – Ладно, переживем пока. А еще время чересчур быстро пролетело. Почти час дня, оказывается. Долго мы шли.

Катя вздохнула.

– Чтобы до маминого прихода, до темноты домой вернуть-ся, надо выйти отсюда примерно часа в четыре.

– И о чем это нам говорит? – спросил Роман и сам себе ответил: – Нечего терять время, надо фотографировать!

Они принялись бегать по поселку и снимать все подряд. Сначала решили пощелкать снаружи, потом – внутри некоторых зданий. Процесс поглотил брата и сестру; беспокойство с оттенком благоговения, овладевшее ими поначалу, развеялось, и они хохотали, позировали на фоне разрушенных зданий, искали интересные ракурсы.

Ни Роман, ни Катя толком не умели фотографировать – со знанием дела выстраивать кадр, задумываться об освещении и композиции, а потому наобум снимали пустые окна, валяющуюся на земле арматуру, коричневые куски листового железа с крыш, горбатые горки и кривые качели на детских площадках, облупившиеся стены, остовы скамеек, зеленые побеги, причудливо оплетавшие бетонные сваи.

Роман навел камеру на черный пролом подъезда с покосившимся козырьком, и ему показалось, будто там кто-то есть. То ли камушек покатился под чьей-то ногой, то ли ступени заскрипели, то ли тень промелькнула в окошке, то ли голос тихим эхом прокатился под потолком...

У Ромы возникло острое, тягучее ощущение, что на него кто-то смотрит, следит за ним взглядом. Притаился в глубине дома, осторожно выглядывает, тут же спеша спрятаться. Возможно, за ними наблюдают из каждого окна, из-за каждого поворота; может, некто таится во всех этих зданиях, которые только прикидываются необитаемыми, а на самом деле наполнены странной жизнью. Они молчат, глядят, ждут и...

«Хватит параноить!» – сказал себе Роман.

Так и должно быть, так и бывает в заброшенных местах. Люди ушли, но их тени все еще бродят тут, прошлое живет здесь, и человек это чувствует. Роман понял, что поселок вовсе не печальный, как показалось вначале Кате, не просит он жалости, как выброшенный на дорогу щенок.

Нет.

Это темное, злое место.

Недаром сюда никто не ходит. И им с Катей тоже не следовало.

– Тебе не кажется, что уже темнеет? Как будто солнце садится? Хотя рано еще, – сказала неслышно подошедшая сзади Катя, и Роман едва не заорал от неожиданности. Еле сдер-

жался.

– Не знаю. Может быть, – отрывисто проговорил он, стараясь прийти в себя.

Огляделся и подумал, что Катя права: фиолетовые тени растекались по земле, сливались в лужицы, которые скапливались под стенами домов; тьма выливалась из раззявленных окон, и в поселке было темнее, чем должно быть в это время суток.

– Зайдем в дом? Я уже не знаю, что здесь еще фотографировать.

Роман внезапно понял, что абсолютно не желает идти в дом – ни в этот, перед которым сейчас стоял, конвульсивно сжимая в руке мобильник, ни в какой-либо другой. Положа руку на сердце, ему хотелось уйти отсюда. Убежать, если совсем честно, причем как можно скорее. Вытянувшийся в лесу, как дохлая змея, поселок стал ему противен, он сам не мог понять, почему.

Но развернуться и уйти все-таки нельзя. Потому что тупо. Получается, зря они тащились в такую даль? Если пришли, надо сделать все, что запланировано, чтобы потом не жалеть.

– Идем, – решительно проговорил Роман.

– Вон тот дом лучше всех сохранился. – Катя указала на серое здание в паре десятков метров от предполагаемого Дворца пионеров. – Много целых окошек. Мне кажется, там начальство жило. Давай туда?

Роман не возражал.

Глава шестая

– Я не хочу здесь ночевать. Ни за что. Просто не могу, я не... – Лизавета чувствовала, что срывается в истерику. Виски сдавило, затылок сделался горячим и тяжелым, как чугунок, – это ощущение всегда сопровождало зарождающуюся панику.

Кроме очевидных, нормальных человеческих страхов – страха болезни, смерти, нищеты и неудач, страха за своих любимых – у Лизаветы был еще один, скрытый, тщательно подавляемый, ее собственный. Это была боязнь сверхъестественного, потустороннего, и началась она...

«Стоп! Остановись и не вспоминай!»

– Не могу! – повторила Лизавета, стараясь задавить все сразу: непрощенные воспоминания, разыгравшееся воображение, усталость, отчаяние, а главное – накативший ужас при виде домов.

Ян обнял ее, крепко прижал к себе, приговаривая обычные в таких случаях слова: успокойся, не волнуйся, все хорошо, мы справимся.

Постепенно она перестала трястись. Потом сбросила с себя его руки, внезапно осознав, что это Ян во всем виноват, это была его дурацкая идея с походом, он втравил их в эту историю, а теперь они заблудились и, возможно, так и будут блуждать тут, пока...

– Лизавета, я идиот. Прости, все из-за меня. Просто выразить мне могу, как мне жаль.

Муж сказал ровно то, о чем она подумала, и злость на него сразу улетучилась. Желание бросить эти слова ему в лицо пропало.

– Ты хотел, как лучше. Романтика, вечер у костра, водопад. Я понимаю.

– Наверное, убить меня готова. Я бы сам себя убил.

Она бледно улыбнулась.

– Нет уж. Сначала выведи нас отсюда, а потом я с тобой разберусь как следует.

Ян и Лизавета немного постояли, глядя друг на друга. Было уже почти темно, но стемнело странно. В городе или даже в деревне темнота накрывала все вокруг, равномерно. Но в лесу (только в этом или во всех?) тьма напознала издали, окружала тебя, можно было наблюдать ее поступь: сначала мгла окутывала далеко стоящие деревья и кусты. Потом подбиралась ближе, сочилась из-под кустов, как пролитые чернила...

Ты перестаешь видеть сначала то, что в десяти метрах от тебя, потом – на расстоянии пяти, потом – двух... С каждой минутой все кругом утрачивало четкость, становилось нераспознаваемым, а потому пугающим.

Параллельно с этим пропадали звуки. Умолкли птички голоса, не поскрипывали больше стволы деревьев, исчезло неумолчное скрипение и шуршание, которое они прежде

слышали (должно быть, мелкие зверьки копошились среди ветвей и в корнях растений). Даже ветер, перешептывавшийся с верхушками деревьев, и тот перестал секретничать, стих. Лизавете показалось, что лес застыл, замер в ожидании.

Мрак пытался скрыть лицо Яна, но пока еще Лизавета четко видела каждую черточку.

– Мы не можем идти ночью, ты же понимаешь. Забредем в такую даль, что... – Он нахмурился. – Ты была права, нужно было сразу попытаться вернуться, как только навигатор сдох. Но я повел себя...

– Перестань.

– Короче говоря, нам нужно где-то переночевать. Лес повсюду густой, сама знаешь, мы еле шли.

Что правда, то правда. Солнечный свет с трудом проникал под сень листвы, поэтому Лизавете постоянно чудилось, что лес сжимается вокруг них. Хотелось выйти туда, где светло, но не получалось, наоборот, они залезали в чащу все глубже и, видимо, все сильнее удалялись от правильного пути, буквально проламывая себе путь вперед.

Но «вперед» не означало к выходу из леса. Ян решил: чтобы не ходить по кругу, нужно держаться одного направления, и ему показалось, что лучше идти в сторону солнца.

Только вот солнце от них убежало. Спряталось в подступающей ночи. А вскоре его сменит на небосклоне луна – серебряное солнце мертвых.

– Здесь большая поляна, сама видишь, – продолжал Ян. – Эти дома – хорошо, что они есть! – мне кажется, охотничьи сторожки. Зимовье, может. Значит, места не необитаемые! Люди тут живут или, по крайней мере, бывают!

– Бывали, – поправила Яна. – Сто лет назад. Хотя, думаю, в них никогда никто не жил. Я бы, например, не стала.

Три дома, стоящих на поляне, наводили на Лизавету оторопь. Блуждать по лесу, не зная дороги, было не в пример менее страшно, чем стоять и смотреть на почерневшие хибары.

Она не могла сказать, откуда этот страх, однако он был силен. Дома выглядели нежилыми, но в то же время не казались ветхими, разваливающимися. Что-то поддерживало в них жизнь. Невысокие, со скошенными, скругленными углами, приземистые, словно стремящиеся уйти под землю, скрыться с глаз, они недобро смотрели на незваных гостей.

Толстые стены, низкие круглые окна, похожие на выпученные глаза; немного перекошенные, но крепкие двери, которые не открывались уже много лет, а то и десятилетий... От домов исходит тьма, подумалось Лизавете. Что-то в них ловило солнечный свет и поглощало его. Наверняка и внутри – непроглядная темень, сырость, холод, черная плесень по углам. Лизавете страшно было подойти, ступить внутрь: вдруг голодный дом и ее сожрет?

– Хорошо, я понял: дома тебе не нравятся. Пусть так, – вздохнул Ян. – Но если пойдем обратно в лес, то добьемся

одного: окончательно стемнеет, идти мы не сможем, придется ночевать прямо под деревом, рискуя...

– Ян! – прервала его изливания Лизавета. – Я понимаю, не ребенок. Не надо мне объяснять очевидные вещи. Просто говорю, что мне тут не нравится. Разве ты сам не чувствуешь? Здесь мрачно.

– Это всего лишь дома. – Он сбросил рюкзак с плеч. – Старые пустые строения.

«Если я чего-то терпеть не могу, то именно этого. Старых пустых строений», – подумала Лизавета, но не стала произносить вслух.

– Ночевать в одном из домов я не буду. Точка. Даже не уговаривай.

– Это было бы...

– Нет, – твердо проговорила она. – Я туда не пойду.

Ян сдался.

– Давай тогда палатку ставить, пока еще что-то видно.

Сноровки им не хватало. Ян ставил палатку несколько раз в жизни, и всегда рядом был опытный товарищ, готовый помочь, Лизавета не делала этого вовсе. Но в итоге они одержали победу: палатка стояла, хотя и несколько криво. После пришла очередь костра и ужина. Проблем не возникло, вскоре они сидели возле потрескивающего огня, ели то, что должно было стать романтическим ужином, но теперь лишь служило насыщению, восстановлению сил.

Лизавета согрелась и поела, что способствовало поднятию

духа. У них было вино, и, когда молодая женщина выпила пару бокалов, ей перестало казаться, что они не сумеют выбраться из чащи. Да и дома, торчавшие из земли, точно были не построены, а попросту выросли, пробились наверх сквозь почву, больше не выглядели настолько ужасными.

– У меня возникла отличная идея, – сказал Ян. – Утром заберусь на самое высокое дерево и посмотрю, в какой стороне наша деревня.

– Прекрасно! – несколько преувеличенно, благодаря выпитому вину, восхитилась Лизавета. – Давно надо было это сделать!

– Умная мысль приходит опосля.

Ближе к полуночи забрались в палатку. Голова у Лизаветы слегка кружилась, тело налилось хмельной тяжестью. Ян отдал ей спальник Семенова, пропахший чужим запахом, но теплый, а сам закутался в одеяло. Лизавета кое-как пристроила голову на жесткую, будто камень, надувную подушку. Было не слишком удобно, но спать хотелось страшно, и, едва успев пожелать мужу спокойной ночи, Лизавета погрузилась в темные воды сна – погрузилась стремительно, словно к ногам привязали тяжелый камень, утащивший ее на дно.

Проснулась так же, в один миг перейдя от сна к бодрствованию. Открыла ничуть не заспанные глаза в темноте, и на нее навалилось осознание: что-то не так.

В чем оказалось дело, Лизавета сообразила уже в следующую секунду: пустота. С той стороны, где полагалось лежать

и спать Яну, было пусто, оттуда шел холод. Не слышалось сонного дыхания, к которому Лизавета за год их брака успела привыкнуть, не было привычного тепла.

Яна не было рядом, тем не менее Лизавета шепотом позвала его, несколько раз произнеся имя мужа, будто это было заклинание, которое могло сделать так, чтобы он материализовался из мрака.

Не помогло. Она была одна – одна среди дремучего леса, в жалком коконе палатки, которая не смогла бы уберечь ее от того, что могло в этом лесу обитать.

Лизавета запаниковала, забилась в спальнике, пытаюсь выпутаться из него. С непривычки удалось не сразу, но спустя мгновение она высвободилась из теплого мешка, натянула джинсы и свитер, расстегнула замок и на четвереньках выползла из палатки.

«Он всего лишь пошел в туалет!» – пришла спасительная мысль.

Да, но тогда зачем закрывать на замок вход в палатку?

Чтобы тепло не уходило, чтобы зверь какой не пробрался.

Споря сама с собой, Лизавета беспомощно озиралась по сторонам, не видя ничего вокруг.

«Надо бы фонарик взять», – мелькнула мысль.

Костер Ян погасил, когда они собрались идти спать. Они не знали в точности, так ли следует поступить, или лучше оставить огонь, чтобы отпугивать диких зверей. Страх устроить пожар пересилил.

– Ян! – пискнула Лизавета, опасаясь говорить слишком громко. Мало ли кто может услышать и прийти на зов. – Янчик, ты где?

Голос звучал почти неслышно, точно она говорила в подушку. Ночь хоронила звуки.

Лизавета встала во весь рост и повернулась лицом к темным домам. Вернее, не совсем темным. В одном из окошек горел свет. Оранжевый плящущий огонек, такой обычно идет от свечи.

Кто-то пришел сюда ночью и зажег свечу в заброшенном доме.

Или там и прежде кто-то был, но не хотел показываться им на глаза?

Нет, что за ерунда! Дома были пусты, никаких сомнений, скорее уж...

Лизавета вмиг догадалась, что происходит, и от облегчения засмеялась, хотя ничего смешного не было. Смех прозвучал в неподвижном воздухе неестественно громко и неуместно, как будто она расхохоталась в церкви. Или на похоронах.

Ян, конечно же! Он хотел осмотреть дома, даже ночевать там собирался, но она заартачилась. Знал, что жена будет против, если он туда пойдет, и решил сходить один, потихоньку, пока она спит!

Следом за облегчением пришла злость: какого лешего он так поступил? Оставил одну, а она и без того на нер-

вах! Ушел, не предупредив, не подумав, что жена может проснуться, напугаться.

Но сердилась Лизавета недолго: понимала, что версия внезапно созревшего в голове у Яна решения сходить в тот дом среди ночи не выдерживает критики. Он не сделал бы такого, не пошел бы туда по доброй воле: чего ему там делать?

Лизавета нагнулась, взяла лежавший в карманчике палатки фонарик и решительно направилась к дому. Вчера вечером она сказала себе, что ни за что к этим лачугам не подойдет, и ей по-прежнему не хотелось, но сейчас все изменилось: Ян был там.

Она старательно разжигала в себе раздражение, досаду, даже ярость – любые эмоции, которые могли помочь подавить разъедающий внутренности страх за близкого человека. Лизавета чувствовала: Ян не спроста там очутился. Нечто позвало его, и теперь мужу, возможно, грозит опасность.

Глава седьмая

Внутри было пусто. Вопреки ожиданиям ребят, в здании не оказалось мебели, светильников, книг, ковров, посуды, игрушек и прочих предметов быта. Здесь не было того, чем пользовались люди, жившие в поселке более тридцати лет назад: очевидно, уезжая, они забрали с собой все, на что так интересно было взглянуть из двадцать первого века. Оста-

вались лишь голые стены с отвалившимися от них сгнившими обоями, растрескавшиеся оконные рамы, грязные, исполосованные дождями или разбитые окна, стулья без сидений и колченогие табуретки, скрипучие деревянные полы, мусор и крюки, на которых когда-то висели люстры.

Брат с сестрой зашли в подъезд дома, который выглядел менее тронутым временем, чем остальные. Это было единственное жилое здание в три этажа. Роман поначалу этого не заметил, только потом углядел окошки на третьем этаже. Они были маленькие, мансардные, а само здание – ненамного выше двухэтажек.

Катя решила, что тут могло жить, как она выразилась, начальство. Что ж, возможно. Здесь даже имелась пожарная лестница, а над подъездами нависали нарядные козырьки, от которых давно остались одни воспоминания.

Подъезда было два, на лестничных клетках – по четыре двери, обитых почти нетронутым дерматином. Роман подергал ручку ближайшей – заперто.

– Зачем они их запирали? Уезжаешь навсегда, все с собой увозишь... Стены, что ли, охранять?

– По привычке, наверное, – ответил Роман, пробуя очередную дверь. Тоже не поддалась.

– Вот! – радостно сказала Катя. – Эта открыта!

Они зашли, заглянули в комнаты, увидели картину полного запустения, вдохнули кислый запах плесени и нежилого помещения. В большой комнате пол был влажный, валялись

коричневые скукожившиеся листья.

– Окно выбито, дождь три дня подряд сюда заливал. Зимой снегу по колено наметает, – грустно сказала Катя. – Потом снег тает, отсюда и сырость.

Сделав несколько снимков, ребята вышли из квартиры, направились в следующую, тоже не запертую бывшими хозяевами. Здесь картина была та же.

– Пошли на второй этаж?

Роман хотел, чтобы Катя отказалась, но она отчего-то согласилась.

Они поднимались по лестнице, стараясь двигаться осторожно, не оступиться: всюду валялись обломанные доски, битые кирпичи, стекла. Вдруг где-нибудь ржавый гвоздь торчит, наступишь неаккуратно, воткнется в ногу – и привет, столбняк!

На втором этаже тоже было четыре двери, Роман стал искать незапертую. Повезло с третьей попытки.

– На третьем не жили, – сообщила Катя, которая, оказывается, успела туда заглянуть. – Дверь на чердак на висячий замок заперта.

– Так и подумал, что там нежилое помещение, – сказал Роман, – окошки слишком маленькие.

– Еще на двери написано «КИНО», значки непонятные намалеваны.

Говоря все это, Катя вслед за братом вошла в квартиру. На полу валялся сгнивший половик, на вешалке висело тя-

желое старомодное пальто, когда-то бывшее синим, с полу-сгнившим коричневым воротником. В комнате стоял унылый торшер на длинной ноге, а больше ничего примечательного, все то же, что и в двух предыдущих квартирах.

– Хватит, пошли домой, пока... – начал Роман, выходя из квартиры, но удивленно умолк.

– Ты чего? – спросила идущая позади него Катя.

Он указал подбородком на дверь квартиры напротив.

– Видишь?

Катя сразу поняла, что брат имеет в виду. Когда они пришли, та дверь была заперта. А теперь приглашающе приоткрылась.

– Я проверял. Она была закрыта. Сто процентов.

Впрочем, полной уверенности в голосе Романа не слышалось.

Катя пожала плечами.

– Может, дверь не была заперта, просто перекосилась в косяке, застряла.

– А я дернул слабо, не от души, потому и не смог открыть. Теперь же она отрылась от сквозняка, – подхватил Рома, но сказал это словно бы не сам, а по подсказке, как если бы ему на ухо нашептали, только озвучить осталось.

Однако звучало логично. Могло ведь такое быть?

«Да, – немедленно подтвердил разум, – в жизни всякое случается».

«Нет! – завопила интуиция. – Это ловушка! Если ты не

сумел открыть, то как это сделал легкий ветерок? Еще и настолько вовремя!»

Пока Роман спорил сам с собой, Катя протиснулась мимо него и подошла к двери. Толкнула, раздался тихий скрип. Как в кино. Точнее, в фильме ужасов. Там без зловещих скрипов никуда.

– Ты уверена, что нам туда надо?

Но Катя уже вошла, и ему ничего не оставалось, как последовать за ней.

Внутри оба сразу почувствовали: эта квартира отличается от других. Прежде были опустевшие старые помещения, напоминавшие больных собак, которых бросили хозяева.

Здесь атмосфера была совсем иная.

Роману ясно представилось, что это место пропитано чьим-то отчаянием, болью, которые так и остались тут, застряли, материализовались – их будто бы можно было потрогать. Парнишка слышал стоны, голоса, крики и точно знал, что они доносятся из тех времен, когда ни его, ни Кати еще на свете не было.

Он впервые осмыслил, что все, кто жил здесь, в поселке, до того, как это место обратилось в прах, были реальны. Люди дышали и говорили, открывали и закрывали двери, смотрели в окна, пользовались мебелью, обедали и ужинали, зажигали люстры и настольные лампы, ходили по улицам, делали покупки в магазинах, сидели за партами в школе...

Замкнутое истлевшее пространство стало скручиваться в

тугой узел, смыкаться вокруг него, и спустя мгновение Роман забыл, кто он, как его имя, зачем он пришел сюда.

Катя звала его снова и снова, но он не слышал. Стоял, уставившись перед собой, плотно окутанный чужими страхами, гневом, паникой, страданием. Безумные крики не прекращались, наполняли пространство вокруг; воздух кипел ненавистью, мукой, предчувствием скорой гибели.

Роман ощутил тяжесть в руке и, опустив глаза, увидел, что руки (руки взрослого мужчины с квадратными ногтями и темными жесткими волосками) судорожно сжимают оружие.

Ружье дернулось; и дергалось еще, еще, раз за разом. Роман завопил.

Комната больше не была пуста, здесь стояли шкафы и кресла, на стене висел ковер, а за столом сидели люди, семья с детьми. Их рты открывались черными провалами, исторгая крики, звучащее в мозгу Ромы; глаза становились огромными, на лицах и телах расцветали алые цветы смерти.

Кровь потекла из стен, закапала с потолка. Багряные густые потоки изливались сверху и сбоку, бурлили у ног сидящих в комнате мертвецов. Маленькая девочка с дырой посреди лба повернулась и посмотрела прямо на Рому, потом улыбнулась, и кровь хлынула у нее изо рта.

Он шарахнулся назад, натолкнувшись на Катю. Голоса, оглушавшие его, стихли, вернулось осознание себя. Это снова был он, Роман, перешедший в одиннадцатый класс, обожающий компьютерные игры, сосланный отцом и мачехой в

Липницу. Сдуру притащивший младшую сестру в проклятое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.